

Федор П. Сергеев (Одесса, СССР)

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ РУССКИХ С ГРЕКАМИ X в.

Тексты договоров русских с греками, сохранившиеся в „Повести временных лет“ и помещенные в ней под 907, 912, 945 и 971 гг.,¹ неоднократно привлекали к себе внимание различных исследователей: языковедов, литературоведов, историков, правоведов. Такой интерес к договорам вполне понятен: это — наиболее ранние памятники русской письменности, памятники деловой речи, а не церковной, памятники, которые дают возможность судить о распространении на Руси и широком употреблении Русью письма уже в самом начале X в.

Из языковедов специально договоры изучали акад. И. И. Срезневский (1854 г.), проф. Н. А. Лавровский (1853 г.), акад. А. А. Шахматов (1915 г.), акад. В. М. Истрин (1924 г.), акад. С. П. Обнорский (1936 г.), доц. М. И. Корнеева-Петрулан (1952 г.).

Как справедливо замечает акад. С. П. Обнорский, изучение языка договоров представляет большие трудности. Эти произведения по происхождению X—XI вв., но представленные списком для двух договоров 945 и 971 гг. лишь последней четверти XIV в., т. наз. Лаврентьевским списком летописи 1377 г.; для двух же остальных договоров приходится пользоваться списками еще более поздними — XV в.² Таким образом, от периода первоначального появления договоров до времени старшего, свидетельствующего о них, списка оказывается промежуток в 300—400—500 лет. Понятно, что в дошедших списках XIV—XV вв. не могли сохраниться фонетические черты его первооригинала, а также многие морфологические особенности. „Но теоретически можно ожидать наличия известных черт из области лексики и синтаксиса, по которой из данных списков XIV—XV вв. представляема была бы первоначальная соответствующая картина словарных и синтаксических особенностей языка договоров“³.

Среди ученых нет единого мнения относительно того, был ли в действительности заключен договор Руси с Византией в 907 г. С. П. Обнорский соглашается с мнением акад. А. А. Шахматова⁴ о том, что в действительности договора между Русью и Византией в 907 г. не было, „и сообщение в летописи под этим годом о заключении договора с приведением отдельных статей его обязано целиком домыслу летописца, по своему разумению связав-

¹ Договоры 907 и 912 гг. относятся к деятельности князя Олега, 945 г. — Игоря, 971 г. — Святослава.

² Ср., напр., Радзивилловский список (XV в.).

³ Обнорский, С. П. Язык договоров русских с греками. — В кн.: Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960, 102—103.

⁴ Шахматов, А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. — Записки нефилологического общества. Вып. 8, Пгд, 1915, с. 400.

шего в своём повествовании факты удачного похода русских в Византию 907 г. и заключения между ними договора⁵. Договор, как таковой, очевидно, считаясь с свидетельством летописи, был заключен в 912 г. И. И. Срезневский доказывает „отдельность грамоты 907 г.“⁶

Высказано также мнение В. Сергеевичем (ЖМНПр. 1882, январь, с.92), к которому присоединятся и С. П. Обнорский⁷, о том, что „в контексте договора 912 г. перед нами фактически договор неполный“: его текст сократил летописец; перенеся отдельные его статьи в повествование под 907 г. (ср., напр., в договоре 912 г. одно лишь заглавие статьи „О взимающих куплю Руси“, без самого содержания статьи, и другие испорченные места в тексте договора).

Исследователи-правоведы склонны рассматривать находящийся в „Повести“ под 907 г. рассказ о „построении мира“ между русскими и греками как предварительные соглашения, завершившиеся договором 912 г.⁸ М. И. Корнеева-Петрулан в статье „К изучению состава и языка договоров русских с греками“⁹ также приходит к выводу о том, что статьи, занесенные в летопись под 907 г., являются статьями предварительных переговоров русских с греками перед заключением договора 912 г.¹⁰ (эти статьи не вошли в договор 912 г.).

Наиболее существенным является вопрос о том, на каком языке и когда были написаны договоры.

Со времени исследования Н. А. Лавровского „О византийском элементе в языке договоров русских с греками“ (СПб., 1853) вплоть до работы акад. С. П. Обнорского („Язык договоров с греками“ в сб. „Язык и мышление“, VI—VII, 1936 г.) среди ученых твердо установилось мнение о переводном характере договоров. Так, А. А. Шахматов в упомянутой выше статье пишет: „То, что дошедшие до нас договоры переведены с греческого, едва ли возбуждает какие-нибудь сомнения“¹¹. Акад. В. М. Истрин, указывая на существующие разногласия среди исследователей относительно истории договоров, также заявляет: „Одно положение только не вызывает разногласия — это то, что договоры переведены с греческих оригиналов“¹². „Бесспорно положение, что все договоры были переводными памятниками с греческого языка“¹³. „В последнем отношении собственно выдается одна крупная работа Н. А. Лавровского „О византийском элементе в языке русских с греками“ (1853 г.), исследование, выводы которого о неоригинальности, о переводном характере договоров составляют общепризнанное положение нашего времени“¹⁴. Н. Лавровский отметил значительные пласты в тексте до-

⁵ Обнорский, С. П. Там же, с. 100; на стр. 117 читаем: „То, что мы имеем в виде так наз. договора 907 г., есть по соображениям летописца внесенные под этим годом выдержки из соответственного договорного акта 912 г.“

⁶ Срезневский, И. И. О договорах князя Олега с греками. — Известия, ОРЯС. Т. I, вып. 7, СПб., 1852, с. 312.

⁷ Обнорский, С. П. Указ. раб., с. 101; 118.

⁸ Так считает, напр., Эверс, И. Ф. Древнейшее русское право. СПб., 1835, с. 135. См.: Шахматов, А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря, с. 25.

⁹ Ученые записки Московского университета. Вып. 150. Русский язык. М., 1952, 255—281.

¹⁰ Корнеева-Петрулан, М. И. Указ. раб., с. 280.

¹¹ Шахматов, А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря, 401—402. См. также: Срезневский, И. И. Договоры с греками. — Изв. АН ОРЯС. Т. III, в. 7, СПб., 1854, 259—260.

¹² Истрин, В. М. Договоры русских с греками X века. — Известия ОРЯС АН, т. XXIX. Л., 1925, с. 383.

¹³ Обнорский, С. П. Язык договоров русских с греками, с. 119.

¹⁴ Обнорский, С. П. Там же, с. 99, 111.

говоров, которые должны рассматриваться как слой, обязанный греческой основе этих памятников. Наше время, — пишет С. П. Обнорский, — в состоянии указать тем больший слой грецизмов в тексте договоров сравнительно с тем, как вскрыт он был исследованием Лавровского. Грецизмы договоров содержатся и в чертах синтаксического характера и в особенностях лексики договоров. Грецизмы свидетельствуются текстом всех, дошедших до нас, договоров. (С. П. Обнорский приводит грецизмы, переведенные и оставленные без перевода: *написание, равно, самодержец, свещание, власть* в значении право, *любовь* в значении мира, мирного договора и многие другие, а также: *грамота, харатья, синкель, индикт, епитемия* в общем значении запрещения и др.).¹⁵

Акад. Б. Д. Греков в своем исследовании „Киевская Русь“ также разделяет мысль о переводном характере договоров: „договоры были написаны по-гречески и одновременно переведены на русский язык“¹⁶.

С. П. Обнорский отвечает на вопрос о том, на какой язык, болгарский или русский, были переведены договоры (912 и 945 гг.). Указав, что оба договора отличаются и по типу языка (договор 912 г. в сильной мере пропитан болгаризмами, а в договоре 945 г. болгарская и русская стихии смешаны), С. П. Обнорский пишет: „Нельзя поэтому было бы думать, что перевод обоих договоров сделан был на один и тот же старый русский язык: слишком этот язык переводов оказывается различным в свидетельстве непосредственных языковых фактов одного и другого договора. Языковый анализ, напротив, заставляет предполагать, что перевод договора 912 г. был сделан болгаринком на болгарский язык, но этот перевод был выправлен русским справщиком. Напротив, переводчиком договора 945 г. должен был быть русский книжник, соответственно и отразивший в переводе смешение и русской и болгарской книжной стихии“¹⁷.

Однако приведенное выше утверждение С. П. Обнорского не может считаться сколько-нибудь обоснованным. Такое предположение рассматривалось еще в середине XIX в. И. Д. Беляевым и было тогда же отвергнуто им (Срезневский, И. И. О договорах князя Олега с греками. — Изв. ОРЯС АН, т. I, в. 7, СПб., 1852, с. 314—318). И. И. Срезневский приводит извлечение из записки И. Д. Беляева, который, сличая договор 912 г. относительно языка с памятником болгарской литературы одного времени с договорами — перевод творения Иоанна Дамаскина о правой вере, который составлен Иоанном Экзархом Болгарским, заключает: „Таким образом, самый язык договора, сколько можно судить по сделанному сличению, обличает, что договор не может быть писан болгаринком. Следовательно, болгаризмы, находящиеся в нем, в сущности своей есть не что иное, как выражения и обороты речи общие в X в. и для русского, и для болгарского языка“.

С. П. Обнорский на основании языковых фактов договоров предполагает, что появление текстов переводов (договоров) „приблизительно должно было совпадать со временем фактического заключения соответствующих дипломатических актов“¹⁸.

В 50-х годах М. И. Корнеевой-Петрулан была высказана отличная от традиционной точка зрения на язык договоров X в. В статье „К изучению состава и языка договоров русских с греками“¹⁹, проводя сравнение порядка

¹⁵ Обнорский, С. П. Там же, 111—114.

¹⁶ Греков, Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 294. См. также: Лихачев, Д. С. Текстология, М.—Л., 1962, 396—397.

¹⁷ Обнорский, С. П. Указ. раб., 119—120.

¹⁸ Там же, с. 120.

¹⁹ Ученые записки МГУ. Русский язык, вып. 150, 1952, 255—281.

статей, их содержания и языка формулировок в договорах 912 и 945 гг., ученая установила не только тесную связь между договорами, но также и отношение обеих договаривающихся сторон к составляемым договорам, равно как и соотношение сил между договаривающимися сторонами при составлении договоров.

М. И. Корнеева-Петрулан стремится доказать неприемлимость положения о переводном характере договоров. В выводах она пишет следующее: „ . . . Статьи договора 912 г. редактировала Русь, образцом при составлении их служила Русская Правда. . .²⁰, вступительная и заключительная части договора были заготовлены греками и в русском списке договора представляют перевод с греческого; статьи договора были сразу же и написаны в русском списке договора по-русски. . . Договор 945 г. редактировался греками, образцом служил договор 912 г., но с изменением его содержания в пользу греков. . . составитель русского списка договора пользовался греческим списком договора и русским списком договора 912 г.; . . . оба списка, русский и греческий, были идентичны и, по-видимому, они изготовлялись одновременно. . . Составитель русского списка договора 945 г. был русский, хорошо знавший греческий и русский литературный язык.“²¹.

Мнение, доказательство, приведенные М. И. Корнеевой-Петрулан в названной статье, заслуживают внимания. Однако, на наш взгляд, требуются более глубокие обоснования того, почему вступительная и заключительная части договора 912 г. являются переводом с греческого, а основная часть написана на русском языке. Видимо, для аргументации высказанного М. И. Корнеевой-Петрулан взгляда много дал бы сравнительный анализ языка договоров X в. с другими юридическими актами старшего периода, а также и с некоторыми древними болгарскими письменными памятниками. По этому вопросу должно быть посвящено особое исследование. Здесь мы приведем лишь отдельные замечания Д. С. Лихачева — видного специалиста в области древнерусской литературы.

Д. С. Лихачев, освещая вопрос о возникновении древнерусской литературы, находит некоторые элементы художественности в договорах русских с греками, а также в Русской Правде. В начальной и заключительной части договоров явственно ощущается их связь с русскими заговорными формулами (ср. начало и конец договора 945 г., заключительную часть договора 971 г.)²².

Далее ученый утверждает, что деловая письменность существовала раньше, чем появилась литература: „в этом не может быть сомнений; хотя отдельные виды документов в подлинном виде и не дошли до нас от X—XI вв.“²³ Анализируя стиль изложения начальной части „Повести временных лет“, ученый во многом обнаруживает его близость к документам деловой письменности в целом, в ней („Повести“) есть „куски, в которых явственно чувствуется зависимость от выработанного и точного способа изложения, принятого в грамотах“²⁴.

²⁰ Корнеева-Петрулан, М. И. (указ. раб.) на с. 269 пишет: „Образцом ей (Руси — Ф. С.) служил в соответствующих местах русский кодекс обычного права, Русская Правда“ (Заметим: древнейшая ее часть, как предполагает Б. Д. Греков („Борьба Руси за создание своего государства“, М., 1945, с. 41), восходит к VIII в.).

²¹ Корнеева-Петрулан, М. И. Указ. раб., 280—281.

²² Лихачев, Д. С., Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952. с. 111—112.

²³ Там же, с. 118.

²⁴ Там же, с. 114.